

В ее сообщении «История родов — история России. Воронцовы — Николаи» была продемонстрирована тесная связь — дружеская и деловая — нескольких поколений известного русского рода Воронцовых с родом Николаи, определенная совпадением нравственных идеалов и близостью интересов.

Конференция завершилась насыщенной дискуссией, в ходе которой были выделены ключевые моменты тесной взаимосвязи Страсбурга с Россией, сохраняющей свою актуальность до сегодняшнего дня.

© А. Ю. Веселова

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-214-216

МНОГОЯЗЫЧИЕ В РУКОПИСЯХ ПИСАТЕЛЕЙ*

21 августа 2018 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) прошел французско-русский круглый стол, посвященный проблемам многоязычия в рукописном наследии писателей. На нем состоялась встреча коллег — участников совместного проекта ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и Института современных текстов и рукописей (ИТЕМ) Национального центра научных исследований Франции. Проект «Александр Пушкин: от многоязычия к переводу» с российской стороны поддержан грантом РГНФ/РФФИ. Пушкинский Дом и ИТЕМ имеют долгую традицию сотрудничества. Коллегиальная деятельность двух институтов началась еще в 1989 году во время советско-французского коллоквиума «Рукописи писателей и теоретические проблемы публикации». С тех пор осуществлено несколько проектов, в том числе общий сборник статей — «Языки рукописей» (2000), опубликованный Пушкинским Домом. Возобновление сотрудничества очень важно: два института имеют сходные теоретические и методологические подходы (у французской текстовой генетики много общих черт с русской текстологической традицией).

Для оценки уникального явления «Пушкин — поэт/писатель — билингв — создатель национальных языка и литературы» необходимо понимание широкого социального, лингвистического и литературного контекста. В рамках настоящего проекта рассматриваются как проблемы многоязычия, так и вопросы перевода, касающиеся не только творчества Пушкина. Именно поэтому на круглом столе обсуждался достаточно широкий круг вопросов.

Работу круглого стола открыл доклад В. Е. Багно (Санкт-Петербург), который предложил взглянуть с точки зрения многоязычия на известное высказывание Гоголя о том, что русская поэзия пробовала все аккорды и добывала всемирный язык затем, «чтобы пригласить всех к служению более значительному»

(«Выбранные места из переписки с друзьями»). Главный творец «всемирного» языка, пробовавший все «аккорды», — это, конечно, Пушкин. Пушкин был наделен редкой способностью видеть себя в чужом и чужое видеть в себе. И в быту, и в творческих поисках ему это было одинаково интересно — создать свою версию того, что является всеобщим достоянием, или вобрать в свое творчество то, что является вершинными творениями человечества, наделив его особенностями своего мировидения. Переводы, подражания, произведения, написанные «по мотивам», — это то, что имеет отношение к «протеизму», «перевоплощениям», «всемирной отзывчивости», но и в «оригинальном» творчестве можно найти «чужое», то, что уже в культуре до Пушкина существовало, но благодаря ему заиграло новыми красками.

Затем выступила руководитель проекта с французской стороны О. Анохина (Франция) с докладом «Творческие стратегии многоязычных писателей», в котором рассказала о проводимых в ИТЕМ исследованиях архивных материалов многоязычных авторов, позволивших выявить определенные стратегии использования различных языков при создании литературного произведения. Первая — функциональное разделение языков (для выполнения различных задач). Вторая — смешение языковых кодов (*code-switching*). Между этими противоположными стратегиями существует еще одна, которую можно определить как *параллельное или синхронное письмо*, производимое одновременно на двух языках. Эта особенная творческая стратегия была установлена благодаря исследованиям рукописей мадагаскарского поэта Жана Жозефа Рабеаривелу (1901–1937). Кроме того, возможен авторский перевод: речь идет о *последовательном письме* на двух языках. Зачастую многоязычные писатели не доверяют перевод своих текстов третьему лицу. Владея двумя языками в совершенстве, они развивают свое творчество на обоих, предпочитая осуществлять перевод своих произведений собственными силами.

Н. Л. Дмитриева (Санкт-Петербург) обратила внимание на то, что пример параллельно-

* Работа велась в рамках Международного проекта РФФИ/Фонд «Дом наук о Человеке» (ФДНЧ) № 17-24-08001: а(м) «Александр Пушкин: от многоязычия к переводу».

го или синхронного письма, отмеченный коллегой из ИТЕМ, встречается в рукописном наследии Пушкина: в 1825 году он начерно набрасывает в рабочей тетради (ПД 835) строки стихотворения об увядающих розах — символе скоротечности бытия. На одном и том же листе (л. 56 об.) записаны наброски французского и русского вариантов стихотворения, трактующего одну и ту же тему. Исследовательница рассказала о предпринятом в рамках совместного проекта составлении реестра французских и двуязычных рукописей Пушкина, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. В пушкинском рукописном наследии чисто французских текстов значительно меньше, нежели двуязычных. Среди французских рукописей сочинений совсем немного: это — отдельные стихотворения (преимущественно лицейского периода), незавершенные эпиграммы, имитирующие стиль гривуазных французских образцов. В основном это планы драматических сочинений, наброски, материалы творческих замыслов. Наибольшее число автографов на французском встречается среди эпистолярного наследия поэта. Анализ рукописей лишний раз подтверждает то, что французский для пушкинского творчества — «рабочий» язык. Это особенно четко прослеживается в планах его сочинений: когда задумывалось произведение на «европейскую» тему, где использовался западноевропейский материал, планы записывались по-французски; когда же составлялся план сочинения о российских реалиях, например о русском светском обществе, пускай и навеянный европейскими образцами, языки в планах перемежались. При этом в обоих случаях сами тексты писались по-русски.

В докладе Е. Е. Дмитриевой (Москва — Санкт-Петербург) был поднят вопрос о принципиальной невозможности равноправия языков как в состоянии диглоссии, так и двуязычия. (В статье «К семиотической типологии русской культуры XVIII в.» (1974) Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский развели два понятия — диглоссии, когда две языковые системы находятся в неравном состоянии (церковнославянский и русский), и двуязычия, предполагающего равноправие языков (в частности, русского и французского), которое началось в России в XVIII веке). Как отметила докладчица, способность образованной части населения (в основном дворянства) использовать разные культурные коды, свободно переключаясь с одного языка на другой, на самом деле предполагала существенную несвободу, выражавшуюся, в частности, в том, что отдельные темы и ситуации закреплялись за тем или иным языком и, более того, предполагали каждый раз свою особую форму выражения. В этом смысле можно сказать, что французский язык, даже для тех, кто блестяще им владел, был в большей степени языком устоявшихся формул, в то время как русский — языком импровизационным, предоставляющим большую свободу и непринужденность. Один из ярких примеров легко-

сти переключения с одного языка на другой в пушкинскую эпоху (за которой на самом деле скрывается определенная несвобода) — почти ритуальный переход с французского языка на русский в письмах к женам, которым до свадьбы письма писались преимущественно на французском языке. Хотя были и исключения, и тем они интереснее. Если Пушкин данное правило соблюдал и стилистика его писем к невесте существенно отличается от его писем к жене, то, например, случай Вяземского свидетельствует о большей свободе. Еще один важный вопрос, поднятый в докладе, — возможность эпистолярного мультилингвизма, т. е. «жонглирования» более чем двумя языками. Ярким примером этого являются письма Вяземского к В. Ф. Вяземской из Англии конца 1830-х годов, в которых к русскому и французскому языкам добавляется еще и английский, что неожиданно влечет за собой еще и появление украинизмов. В качестве другого примера эпистолярного многоязычия в докладе рассматривалась переписка членов императорской семьи: Александра I и его сестры Марии Павловны, вышедшей замуж за наследного герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского и проживавшей в Германии. В переписке, которая велась преимущественно на французском языке, «фривольную мелодию», которую позволяет себе изредка в письмах к сестре Александр, неожиданно исполняют немецкие слова, в то время как переход на русский язык означает скорее откровение и признание, кажется, слишком личное, чтобы быть выраженным по-французски. Остается, однако, нерешенным вопрос: можно ли видеть в переходе с одного языка на другой проявление того, что называется компенсаторными механизмами культуры, и какова в этом переходе доля узального и окказионального начал.

Вопросу о создании франкоязычного текста писателем иностранного происхождения был посвящен доклад В. Чепига (Франция). По ее определению, писатель создает текст не только с помощью «приемного языка», но прибегает к родному, а также к другим языкам, которые служат ему неким лингвистическим подспорьем. Исследовательница рассматривает творчество Ирен Немировски и Ромена Гари. Язык писателя, родившегося в чужой стране, принадлежит к более широкому языковому полю, чем его «приемный язык», он становится частью общего языкового наследия, что можно проследить при изучении авантюристов. Функция иноязычных вкраплений у Немировски и Гари состоит в том, чтобы заполнить лакуны во французском словарном запасе. Следует отделять языковые экзотизмы, т. е. вкрапления, вошедшие в лексическую систему определенного языка и функционирующие в нем наравне с «родной» лексикой, от экзотизмов окказиональных, т. е. вкраплений, которым требуется перевод и которые не входят в систему «приемного языка» многоязычного автора; именно последние характеризуют рукописи обоих писателей. Чепига выделяет три

типа иноязычных вкраплений у Немировски — лексико-синтаксические, топонимические и имена собственные, а также цитаты на иностранном языке. Среди них доминируют русские иноязычные вкрапления, затем следуют английские, на третьем месте — немецкие. С точки зрения синтаксиса русские элементы вписываются во французскую фразу, как если бы русский и французский языки были одним целым, что является прекрасным примером «внутреннего переключения кодов» на письме. В отличие от Немировски, у Гари иноязычные вкрапления всегда написаны латиницей в фонетической транскрипции. В большинстве своем *окказиональные*, как и у Немировски, они переходят из самой первой рукописной версии в опубликованный текст. В отличие от Немировски, Гари, который также использовал несколько иностранных языков (и русский занимает в этом списке не последнее место), дает толкование, перевод иноязычного вкрапления.

Доклад Ю. Холтер (Франция) был посвящен переводу Вадимом Козовым своей поэзии на французский язык (*Hors de la colline / Прочь от холма. Paris, 1984*). Черновики перевода с многочисленными пометами, сделанными со-переводчиками Мишелем Деги и Жаком Дюеном, свидетельствуют о диалоге, и даже о жарком споре, межкультурном и межкультурном, иммигранта и диссидента с «принимающей» стороной. По определению Холтер, перевод Козового — это «силовой вектор»: творческая сила противопоставлена политическим, идеологическим силам, от которых Козовой желал избавиться, покидая Советский Союз (однако и во Франции он столкнулся с подобными силами). Можно предположить, что многие факторы сопутствовали удачной литературной карьере Козового на Западе. Однако его интеграция во французские культурные круги

не прошла так же удачно, как, например, это произошло с Бродским в США. Рукописи показывают трудность (невозможность?) перевода сложной поэзии Козового на французский язык.

В работе круглого стола приняла участие Н. М. Сперанская (Санкт-Петербург), сотрудница Центра изучения эпохи Просвещения («Библиотека Вольтера») Отдела редких книг РНБ. Она познакомила аудиторию с разноязычными пометами, оставленными Вольтером на полях читанных им книг. В одних случаях маргиналии сделаны на языке текста («Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо), в других — по-французски (трактат англичанина У. Уорбуртона «Божественная миссия Моисея»). При этом «фернейский патриарх» хорошо владел английским языком и написал на нем первую версию своих «Философских писем» — «*Letters concerning the English nation*». Можно предположить, заключила докладчица, что Вольтер делал пометы на языке оригинала, когда «вступал в диалог» с автором, и на родном, т. е. на французском, когда пометы служили своего рода конспектом для написания собственного труда.

Итак, мы видим, что для многоязычных писателей от Вольтера до Козового (т. е. с XVIII и до конца XX века) владение двумя и более языками является важным подспорьем в творческом процессе, определяя его особенности.

Заседание круглого стола прошло плодотворно: доклады вызвали вопросы, завязалась дискуссия. Ряд интересных и ценных замечаний и наблюдений сделал сотрудник Пушкинского Дома П. Р. Заборов. Работа над совместным проектом будет продолжаться.

© Н. Л. Львова

© Юлия Холтер (Франция)

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-216-220

НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЕГА ВИКТОРОВИЧА ТВОРОГОВА

10 октября 2018 года в Пушкинском Доме состоялось научное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения крупного ученого, исследователя древнерусской литературы доктора филологических наук Олега Викторовича Творогова (11.10.1928–24.06.2015). В нем приняли участие сотрудники Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН, ученики Творогова, филологи и историки из Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, с которыми его связывали научные контакты.

Со вступительным словом к участникам заседания обратилась заведующая Отделом

древнерусской литературы Пушкинского Дома Н. В. Понырко. Она охарактеризовала три главные направления его исследований: работы по хронографии (упомянув в первую очередь монографию ученого «Древнерусские хронографы», в которой исследовано более десяти хронографических сводов по ста с лишним спискам); многочисленные труды по «Слову о полку Игореве» (в том числе редактирование «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» и «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“», для которой им написано более 200 статей, а также редактирование книги А. А. Зимина «Слово